

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.
ЧАСТЬ СССХХХІХ.

1902.

ФЕВРАЛЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1902.

А. П. Киричниковъ. М. А. Веневитиновъ, какъ археологъ . . .	92
М. А. Рыкачевъ. К. С. Веселовскій (некрологъ)	103

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

И. В. Нетушилъ. Легенда о блянецахъ Ромулъ и Ремъ	49
---	----

ОЗВЪЯВЛЕНІЯ.	5—6
----------------------	-----

Редакторъ Э. Радловъ.

(Вышла 1-го февраля).

М. А. ВЕНЕВИТНОВЪ, КАКЪ АРХЕОЛОГЪ ¹⁾.

1) „Росписныя кирпичныя избы“. М. 1890 г. 4'. — 2) „Русскіе въ Голландіи“. Великое посольство 1697 — 1698 г. М. 1897. 6. 8°.

Огромные успѣхи археологической науки за послѣднее пятидесятилѣтіе объясняются едва ли не прежде всего близостью ея метода къ методу наукъ положительныхъ, естественныхъ. Въ то время какъ исторія литературы, напримѣръ, или исторія религіозныхъ вѣрованій или такъ называемая исторія политическая необходимо должны предносылать точному изслѣдованію фактовъ теоріи, общіе взгляды, въ которыхъ всегда прсимуществуетъ элементъ субъективный, археологія начинать съ безпритязательнаго, скромнаго, но за то свободнаго отъ всякаго произвола подбора и очищенія строго научнаго матеріала. Данные, ею добываемыя, мелки, съ виду почти ничтожны, но они неопровержимы и отъ всего предвзятаго независимы; что выводится изъ нихъ, то прочно до незыблемости. Пусть десятки геродотовъ и несторовъ, ни на іоту не противорѣча между собою (что бываетъ только въ томъ случаѣ, если они другъ друга списываютъ), излагаютъ прошлое извѣстной страны извѣстнымъ образомъ; но если на опредѣленной глубинѣ ея территоріи добываются предметы, ихъ опровергающіе, кто будеть хоть минуточку колебаться между преданіемъ и свидѣтельствомъ собственныхъ глазъ своихъ?! Все должно уступать правдѣ наглядной, какъ бы ни противорѣчила она системамъ и теоріямъ.

Другая сильная сторона археологіи—ея общедоступность, такъ сказать, *демократичность*.

---

¹⁾ Читано въ Моск. Археолог. Обществѣ 27-го ноября 1901 г.

Для добычанія новыхъ фактовъ всякимъ другимъ путемъ нужна продолжительная серьезная подготовка, необходимо изученіе языковъ, источниковъ, вспомогательныхъ наукъ, массы пособій, знакомство съ огромной литературой; нужно пройти долгій искусь, чтобы стать *жрецомъ*; а жреческая, настоящая наука всегда бываетъ односторонняя и склонна къ условности и нѣкоторой косности.

Въ археологіи же подготовка нужна только при обобщеніяхъ, выводахъ, на которые пока эта молодая наука дерзаетъ неохотно и рѣдко; добывать же цѣнные частные факты можетъ всякій, у кого есть усердіе и правильно дѣйствующіе органы чувствъ, и чѣмъ свободнѣе энергичный работникъ отъ системъ и теорій, тѣмъ онъ иногда бываетъ полезнѣй. Отсюда даже у насъ въ Россіи по археологіи работаютъ многія сотни добровольцевъ-труженниковъ, поддерживающіе съ честію наши сѣвды и провинціальныя музеи.

Есть, конечно, у медали и своя обратная сторона: общедоступность научныхъ приемовъ археологіи является причиною появленія множества работъ, не заключающихъ въ себѣ ровню ничего, кромѣ подбора однообразныхъ, мало говорящихъ фактовъ; производилъ раскопки тамъ-то, въ такіе-то дни, при такихъ-то условіяхъ, нашелъ перегной, черепки, кости животныхъ, костякъ, бусы и пр. и пр. и такъ на цѣлыя десятки страницъ! А съ другой стороны положительность и осторожность ея метода вынуждаютъ даже работниковъ съ широкой научной подготовкой тщательно избѣгать обобщеній и сводить науку къ накопленію матеріаловъ, которыми могутъ воспользоваться только наши внуки и правнуки. Потомство, конечно, великое дѣло, но какъ говорить Гете:

Gesetzt, dass ich von Nachwelt reden wollte,
 Wer machte denn der Mitwelt Spass?
 Den will sie doch und soll ihm haben.
 Die Gegenwart von einem braven Knaben
 Ist, dünkt'ich, immer auch schon was.

Безъидейный же подборъ фактовъ такъ же далекъ отъ живой и плодотворной науки, какъ и попытки прежнихъ поколѣній строить науку по старо-семинарски—отъ своего разума, при посредствѣ немногихъ плохо проверенныхъ фактовъ.

При такомъ нѣсколько одностороннемъ направленіи современной археологической науки, нельзя не придавать особаго значенія тѣмъ немногимъ, къ сожалѣнію, работамъ, которыя, исходя изъ живой мысли и изъ интереса къ настоящему, производятся съ безукоризненною

осторожностью и осмотрительностью, свойственными нашей наукѣ, и стремятся въ концѣ концовъ опять-таки къ живому общему тезису, снова выводящему насъ изъ скромной сферы изученія древности на широкую арену пониманія современности. А если, въ добавокъ, такая работа, вслѣдствіе развитаго эстетическаго чувства автора, хорошо построена и красиво изложена, она, какъ бы ни была скромна ея задача, естественно поступаетъ въ разрядъ *образцовыхъ* или *классическихъ*. Таковы, какъ я надѣюсь показать, обѣ работы нашего покойнаго сочлена, оцѣнку которыхъ я взялъ на себя.

Въ 1890 г., въ годъ Московскаго Археологическаго съѣзда, Михаилъ Алексѣевичъ напечаталъ изслѣдованіе подъ заглавіемъ „Расписныя кирпичныя избы“ и посвятилъ его этому съѣзду.

Уже самая тема изслѣдованія есть цѣлое открытіе въ наукѣ археологии и крупный шагъ впередъ въ развитіи ея метода.

Кирпичныя избы въ среднерусской деревнѣ есть явленіе, конечно, новое; старѣйшія изъ нихъ появились въ концѣ XVIII и началѣ XIX столѣтія, „когда, говоритъ авторъ, сентиментальная гуманность, обуявшая многихъ крупныхъ и образованныхъ помѣщиковъ, заставляла ихъ подражать комфорту западной Европы въ постройкахъ, возводимыхъ для своихъ крѣпостныхъ. Кромѣ гуманности тутъ дѣйствовали, конечно, и расчетъ. Хотя лѣсъ въ то время и былъ сравнительно недорогъ, но кирпичъ, при даровомъ трудѣ крѣпостныхъ крестьянъ, являлся еще болѣе выгоднымъ матеріаломъ для построекъ, и притомъ несгораемымъ, что избавляло помѣщиковъ отъ необходимости производить частыя выдачи лѣса въ случаѣ пожаровъ“¹⁾.

По наблюденію изслѣдователя, стиль этихъ крѣпостныхъ избы не имѣлъ въ себѣ ничего оригинальнаго и, „если допускались украшенія, то преимущественно въ рѣзкихъ очертаніяхъ архитектурныхъ линій, иногда обводившихся бѣлою известью по красному фону кирпичной или наоборотъ.“ (стр. 4).

Кирпичныя избы свободныхъ крестьянъ строятся ими самими для удобства и изъ расчета (стоимость такой избы небольшого размѣра отъ 50—100 р., тогда какъ срубъ въ Ворон. губ. стоитъ отъ 70—180 р.); стиль ихъ несравненно интереснѣе. „Сдѣлавшись самъ своимъ собственнымъ строителемъ, говоритъ Михаилъ Алексѣевичъ,

¹⁾ Между прочимъ кирпичныя нештукатуренныя избы въ 1851 г. были въ томъ подмосковномъ мѣстѣ Смирновыхъ, гдѣ гостилъ Гоголь въ послѣднее лѣто своей жизни (Л. Арнольдъ, „Мое знакомство съ Гоголемъ“ Р. Вѣстн. 1862 г. № 1, стр. 91).

крестьянинъ вполне отрѣшился отъ навязанныхъ ему образцовъ и сталъ изощрять свою фантазію въ области весьма сложной и своеобразной декоративной орнаментики, въ которой главную роль играетъ пестрота узоровъ и красокъ. Пользуясь кирпичомъ, какъ краснымъ фономъ, крестьянинъ сталъ выводить на немъ преимущественно бѣлые, а иногда и черные, желтые и синіе или зеленые узоры, составленные изъ цѣлой системы—прямолинейныхъ большею частию—очертаній. Узоры эти, по своему основному характеру, являются вовсе не похожими на то, что мы видимъ на шитьѣ одежды и полотницъ или въ рѣзбѣ по дереву. Выѣшій видъ кирпича, какъ материала для построекъ, своими размѣрами, параллельными углами всецѣло обуславливаетъ тѣ формы орнамента, которыми крестьянинъ украшаетъ свои каменные жилища. Эти формы составляютъ совершенно новое явление народнаго искусства, которому, по всей вѣроятности, настолько же суждено еще болѣе развиваться въ будущемъ, насколько и самому распространенію построекъ крестьянскихъ хатъ изъ кирпича. *Что эта новая область орнаментики есть самобытная и народная, — доказываются слѣдами мотивовъ мифическаго и самобытнаго творчества, замѣчаемыми въ некоторыхъ узорахъ*“ (стр. 5).

Основнымъ мотивомъ этого орнамента оказывается треугольникъ. Отъ соединенія многихъ треугольниковъ получаются узоры, которые могутъ быть подведены подъ три основные типа: 1) орнаментъ *горизонтальный*, соответствующій архитектурнымъ терминамъ: *панель* и *карнизъ*; 2) орнаментъ *вертикальный*, напоминающій собою *пилястры* ¹⁾ или *колонны*, и 3) орнаментъ *настенный*, нѣсколько схожій съ тѣмъ, что принято называть *медальонами* въ лѣпныхъ работахъ. Хотя интереснымъ въ археологическомъ отношеніи пока оказывается третій разрядъ орнамента, авторъ съ одинаково-напряженнымъ вниманіемъ и строго научной тщательностью изслѣдуетъ все три группы, причемъ въ основу изслѣдованія кладетъ не отдѣльные факты, искусственно разбитые на разряды по предложенной имъ системѣ, а три типичныхъ памятника, три избы, представляющія разныя степени сложности орнаментики, изображенія которыхъ, какъ въ цѣломъ, такъ и въ подробностяхъ, приложены къ его работѣ. Изслѣдуя орнаментiku этихъ памятниковъ, авторъ знакомитъ читателя съ основами техники дѣла и подробно разъясняетъ народные образные термины: *видюшки*, *оно-*

... ²⁾ Изъ дальнѣйшаго оказывается, что оно и у самихъ крестьянъ называется *пилястромъ* (стр. 7).

яски, лазка, сосенки и самовара. Детально изучивъ эти образцы, авторъ перечисляетъ другіе виды и роды орнаментовъ, свидѣтельствующіе объ изумительной изобрѣтательности строителей (стр. 13).

Переходя, наконецъ, къ общимъ выводамъ, онъ чрезвычайно остроумно объясняетъ настѣнные украшенія стремленіемъ изобразить небесныя свѣтила согласно извѣстному пѣсенному приему (*общему мѣсту*): На небѣ солнце — въ теремѣ солнце и пр., а такъ наз. *самоваръ* — уютобленіемъ богатаго дома *полной чашей*, и связываетъ ея изображеніе съ символическими обрядами возліянія при освященіи новаго жилища (стр. 14).

Другіе выводы не такъ закончены, но зато указываютъ пути для послѣдующихъ работъ. Вотъ важнѣйшій изъ нихъ:

„Одна изъ любопытнѣйшихъ особенностей кирпичной орнаментации заключается въ разнообразіи комбинацій основныхъ мотивовъ на каждой отдѣльной издѣ. Весьма рѣдко въ одной и той же деревнѣ можно встрѣтить повтореніе того же рисунка, и если это замѣчается, то въ селеніяхъ значительныхъ по пространству и на далекихъ другъ отъ друга разстояніяхъ. Рядомъ и близко стоящія каменные избы обязательно отличаются другъ отъ друга и преимущественно крупными, бросающимися въ глаза, узорами настѣннаго орнамента“.

Этотъ обычай, какъ совершенно справедливо заключаетъ авторъ, „прямо напоминаетъ тѣ различныя мѣтки, которыми крестьяне обозначаютъ свои пашни посредствомъ окончательныхъ проведенныхъ межей или, напр., посредствомъ зарубокъ на кускѣ дерева, свои жеребья въ конопляныхъ мочкахъ, въ холстѣ, отданномъ въ краску, въ сукнѣ, сданномъ на сукивалку и т. д. Всѣ эти подробности относятся, если можно такъ выразиться, къ области *народной геральдики*“ (стр. 15).

Вотъ новая, весьма много обѣщающая сфера наблюденія, если не ошибаюсь, впервые съ такой опредѣленностью указанная М. А. Веневитиновымъ!

Въ заключеніе авторъ, отчасти воспользовавшись указаніями извѣстнаго знатока исторіи русской архитектуры П. В. Султанова, отчасти собственными наблюденіями по изданіямъ В. В. Стасова, А. Прохорова и Ѳ. Рихтера (часть рисунковъ которыхъ онъ воспроизводитъ въ своемъ изданіи), указываетъ тѣсную генетическую связь изслѣдуемыхъ имъ простыхъ украшеній кирпичныхъ издѣ съ древними орнаментальными и архитектурными мотивами, и такимъ образомъ наглядно показываетъ необходимость *историческаго* изученія всѣхъ особенностей современной народной жизни.

Еще болѣе важный трудъ М. А. по русской археологiи и исторiи—цѣлая книга, великолѣпно изданная въ качествѣ юбилейнаго подношенiя не лицу, а столѣтiю перваго путешествiя русскаго государя за границу. Это „Русскiе въ Голландiи“. Великое посольство 1697—8 г. изд. въ Москвѣ въ 1897, со многими гравюрами и снимками.

На мой взглядъ книга эта одно изъ лучшихъ по идеѣ и по обработкѣ русскихъ изслѣдованiй предыдущаго десятилѣтiя.

Въ немъ, конечно, М. А. имѣлъ многихъ предшественниковъ, но ни одинъ изъ нихъ не поставилъ дѣла такъ широко и такъ идейно, какъ онъ; всѣ они занимались только личностью самого царя; Веневитиновъ же справедливо увидалъ здѣсь первую лицомъ къ лицу встрѣчу двухъ цивилизацiй: русской донетровской и западно-европейской; ихъ, правда, сопоставляли уже не одинъ разъ, но производили это, какъ говоритъ самъ М. А. (стр. 2), „болѣе поромъ теоретика, философа-систематика, чѣмъ орудiемъ ученаго аналитика, который не довольствуется поверхностными умозаключенiями, а доходитъ до истины путемъ безпристрастнаго изученiя самыхъ мельчайшихъ фактовъ, независимо отъ тѣхъ выводовъ, которыхъ желало бы достигнуть нѣсколько одностороннее предвзятое направленiе мысли“.

Какъ истинный ученый, М. А. взялся за эту работу не потому, что ему пришло на мысль вновь пересмотрѣть споръ такъ называемыхъ славянофиловъ съ западниками, а потому, что онъ имѣлъ случай привлечь къ изслѣдованiю материалъ, которымъ никто изъ его предшественниковъ не пользовался должнымъ образомъ.

Въ 1890 г. въ Амстердамѣ онъ приобрѣлъ брошюру: *Discours sur le premier voyage de Pierre le Grand principalement en Hollande, par Mr. I. de Meerman, comte de l'empire et sénateur à Paris 1812.*

1-ую главу своей книги Михаилъ Алексѣевичъ посвящаетъ изслѣдованiю биографiи и библиографiи этого совершенно новаго въ русской историографiи лица и съ точностью опредѣляетъ отношенiе найденной имъ брошюры къ книгѣ голландскаго историка Схельтемы, при чемъ оказывается, что для даннаго пункта Меерманъ гораздо цѣннѣе и важнѣе Схельтемы, которымъ отчасти (но безъ всякой критики) пользовались главные предшественники Веневитинова: Устряловъ и С. М. Соловьевъ.

Вторая глава (стр. 21—6) книги Михаила Алексѣевича „О началѣ царствованiя Петра“ даетъ переводъ весьма любопытныхъ вводныхъ страницъ Меермана съ цѣнными къ нему примѣчанiями.

Глава третья (26 — 45): „Снаряженiе великаго посольства“ обра-

ботана, конечно, по русскимъ источникамъ; съ ббльшей, нежели гдѣ-нибудь, точносью она выясняетъ составъ посольства, жалованье, опредѣленное чинамъ его, способы передвиженія до границъ и др. мелкіе, но весьма важные въ археологическомъ отношеніи вопросы.

Глава четвертая: „Путешествіе посольства до границъ Голландіи“ (стр. 45 — 55) эксплуатируетъ, объясняетъ и провѣряетъ рассказъ Меермана, который прибавилъ много интереснаго къ даннымъ, бывшимъ въ употребленіи до работы Веневитинова.

Въ такомъ же отношеніи къ своимъ источникамъ и глава пятая („Прибытіе въ Голландію“, стр. 56—75). Здѣсь авторъ встрѣчается съ опаснымъ вопросомъ о „великой особѣ“, дневникъ или записки которой значительно пополняетъ другіе официальные источники и книжку Меермана. Авторъ съ замѣчательнымъ тактомъ сказалъ объ этой таинственной „особѣ“ именно столько, сколько было необходимо для оцѣнки ея дневника, и благоразумно воздержался отъ искусительныхъ предположеній и догадокъ (до 67 стр.).

Глава шестая: „Прибытіе въ Гаагу“ (стр. 76 — 89) и глава седьмая: „Аудиенція у Нидерландскихъ штатовъ“ (стр. 90—110), подробно и вполне объективно излагаютъ, на основаніи всѣхъ старыхъ источниковъ съ добавленіями по Меерману, это любопытное столкновеніе двухъ цивилизацій, въ результатѣ котораго каждая изъ сторонъ отстояла свое, потерпѣвъ *нѣкоторыя* убытки и пріобрѣтя *нѣкоторыя*, сравнительно небольшія выгоды.

Глава восьмая: „Вторичное пребываніе посольства въ Амстердамъ“ (стр. 111 — 125), изслѣдуетъ событія отъ ноября 1697 г. до мая 1698 г., событія, съ одной стороны довольно печальныя, а съ другой—наиболѣе богатые послѣдствіями. Положеніе дѣлъ было таково: послы наши получили отказъ относительно главной своей дипломатической цѣли: испрошенія помощи отъ Голландіи для войны съ Турціей, обмѣнялись подарками и дипломатическими любезностями, израсходовали деньги, на нихъ ассигнованныя штатами, откланялись и должны были, естественно, не нынче—завтра ѣхать далѣе. Но вмѣсто этого они поселяются въ Амстердамъ и живутъ тамъ мѣсяць за мѣсяцемъ, такъ какъ, во-первыхъ, одинъ изъ свиты посольства, волонтеръ Петръ Михайловъ, задерживаетъ ихъ своими личными дѣлами и своей поѣздкой въ Англію, а во-вторыхъ, имъ было всего удобнѣе именно въ Амстердамѣ производить многочисленныя закупки и наемъ служилыхъ людей всякаго рода. Недовольны штаты потому, что они все-таки же оплачиваютъ помѣщеніе для русскаго посольства, которое,

кромѣ того, задерживаетъ при себѣ ихъ чиновниковъ; недовольны русскіе, такъ какъ должны содержаться за свой счетъ и за все платить дорого. Положеніе непріятное. Но государственныя выгоды Россіи *требуютъ* этого неделикатнаго и почти насильственнаго пребыванія посольства въ Амстердамѣ, и оно растягивается чуть не на полгода.

Самый важный результатъ великаго посольства былъ, безъ сомнѣнія, приобрѣтеніе для Россіи массы оружія, корабельныхъ снарядовъ и мастеровыхъ всякаго рода, что и было совершенно главнымъ образомъ въ эти повидимому бездѣятельныя мѣсяцы. Паслѣдователь сдѣлать все, отъ него зависящее, чтобы выяснитъ, что именно и по какимъ цѣнамъ было приобрѣтено, откуда добывались для этого деньги, кого именно наняли послы на русскую службу, когда, какъ и какими путями было все это отправлено въ Россію. Черезъ это получился рядъ драгоцѣнныхъ историко-археологическихъ матеріаловъ для важнѣйшей эпохи русской исторіи.

Въ историко-культурномъ отношеніи особаго вниманія заслуживаетъ перечисленіе предметовъ, закупленныхъ послами для ихъ собственнаго употребленія (стр. 118—119).

Перечень разнолеменныхъ лицъ, нанятыхъ на русскую службу, чрезвычайно важенъ, какъ показатель того, въ комъ преимущественно нуждалась Россія, и съ другой стороны онъ даетъ новый и цѣнный матеріалъ для русской геральдики.

Глава девятая: „Конецъ брошюры Меермана“ (стр. 126—139) сообщаетъ и разбираетъ все, что Меерманъ говоритъ о личности и о дѣятельности самого Петра во время этого посольства.

Важнѣй всѣхъ, безъ сомнѣнія, глава десятая: „Заключенію и выводы“ (стр. 140—192), въ самомъ началѣ которой авторъ выясняетъ свою скромную, повидимому, цѣль. „Мы хотимъ, говоритъ онъ, воспользоваться собраннымъ нами матеріаломъ лишь для того, чтобы указать будущимъ историкамъ русской культуры, будущимъ изслѣдователямъ условій цивилизаціи въ Россіи на ту богатую почву, которая представляется для картины быта нашего отечества въ подробностяхъ дипломатическихъ сношеній съ государствами Западной Европы. Исторія этихъ сношеній извѣстна намъ лишь въ видѣ печатныхъ сборниковъ документальныхъ матеріаловъ, но далеко еще не разработана ни съ политической стороны, ни въ особенности съ культурно-бытовой (иначе сказать: археологической). А въ этомъ послѣднемъ отношеніи документы Посольскаго Приказа являются *источникомъ драгоцѣннымъ и крайне богатымъ*, ярко рисующимъ всѣ различія между складомъ

московскаго государства и общественнымъ строемъ Западной Европы“ (стр. 140).

За тѣмъ авторъ въ общихъ, но рельефныхъ чертахъ пересказываетъ исторію русской дипломатіи до Петра, при чемъ вполне удовлетворительно объясняетъ историческимъ путемъ всѣ кажущіяся странности нашихъ дипломатическихъ приѣмовъ и обычаевъ. Охарактеризовавъ громадное значеніе личнаго участія царя въ посольствѣ 1697—1698 года и переходя къ его матеріальной обстановкѣ, авторъ дѣлаетъ большой экскурсъ чисто археологическаго характера (стр. 167 и слѣд.), относительно сравнительной цѣнности голландскихъ и русскихъ денегъ, и вычисляетъ, что великое посольство истратило всего около 190.000 рублей, изъ которыхъ на личныя его потребности пошло всего 10 процентовъ, хотя главные чины посольства, въ особенности Францъ Лефорть, жили, повидимому, не стѣсняясь (стр. 181)¹⁾.

Видимый и ближайшій, однако и до сего дня чувствуемый результатъ всего дѣла авторъ выражаетъ слѣдующимъ образомъ: „Великое русское посольство 1697—1698 гг. имѣло прямымъ послѣдствіемъ Петербургъ съ его каналами и подъемными мостами, съ Кронштадтомъ, со всею рѣзкостью въ намѣненіи исторической судьбы Россіи, которая, благодаря одной случайности, вступила въ среду европейскихъ державъ, такъ сказать, подъ первоначальнымъ флагомъ голландской цивилизаціи. Уже одна терминологія въ русскомъ флотѣ даетъ поводъ къ недоумѣнію въ томъ, былъ ли Петръ Великій въ своихъ преобразованіяхъ систематическимъ организаторомъ или просто безразборчивымъ подражателемъ первому встрѣчному образцу. Изложенныя соображенія въ концѣ концовъ приводятъ насъ въ соприсношеніе съ самымъ чувствительнымъ мѣстомъ русской исторіи и ставятъ намъ въ упоръ вопросъ о значеніи Петра Великаго въ судьбахъ Россіи“ (189).

Къ какому рѣшенію этого *жучаго* вопроса склоняется самъ авторъ *на точномъ основаніи изслѣдованныхъ имъ фактовъ*, видно изъ заключительныхъ словъ главной части его работы.

Указавъ на отличіе петербургской дипломатіи отъ московской, онъ говоритъ: „Задача утратила въ ясности и простотѣ традицій, но зато выиграла въ широтѣ и глубинѣ цѣлей. Старыя традиціи отлича-

¹⁾ Самъ Петръ истратилъ на себя около 1.800 рублей — на инструменты, на „коркодима“, рыбу *свертфинки* и пр.

лись въ международныхъ сношеніяхъ настойчивымъ упорствомъ въ сознаніи и преслѣдованіи желаемого, народностью въ политикѣ; новые приемы русской дипломатіи уклонились отъ древней дисциплины и нерѣдко вмѣсто выгодъ Россіи принуждены были служить интересамъ Европы, и вмѣсто соблюденія чести и достоинства русскаго царя позволяли себѣ жертвовать вышнему блеску его имени самыми вопиющими нуждами его государства. Послѣдовательность политики, упорство движенія по ясно и твердо намѣченному пути уступили мѣсто колебаніямъ, участию въ международныхъ интригахъ, шаткости союзовъ и случайности вражды. Стали возможны примѣры сосредоточенія нитей русской политики въ рукахъ не природныхъ русскихъ, хорошо знающихъ свое отечество и его нужды, а заѣзжихъ иностранцевъ, руководившихся или личными выгодами или обманчивымъ блескомъ беспочвеннаго космополитизма. Подобныя явленія ознаменовали собою почти весь XVIII вѣкъ и начало текущаго столѣтія. Теперь времена перемѣнились: русская дипломатія начинаетъ возвращаться къ лучшимъ кореннымъ традиціямъ Посольскаго Приказа. При всей наивной косности и отталкивающей грубости этихъ древнихъ традицій, въ основаніи ихъ, какъ руководящую красную нить, мы встрѣчаемъ черты, достойныя безусловнаго подражанія и заключающіяся въ строгомъ соблюденіи чести и достоинства Россіи среди ближайшихъ ея сосѣдей, въ неуклонномъ преслѣдованіи прямыхъ и ясныхъ цѣлей и въ стремленіи внушить къ русскому народу то уваженіе, котораго онъ заслуживаетъ, какъ равноправный съ прочими народами Европы участникъ въ благахъ всемірнаго просвѣщенія.

До конца XVII вѣка Посольскій Приказъ руководствовался задачами политики *Москвы*, имя которой олицетворяло понятіе о всей подвластной странѣ; Петръ Великій расширилъ это понятіе до предѣловъ государства; преемники его въ новой, перенесенной на берега Невы, столицѣ нарушили исконную связь съ народомъ и лишили свою политику ея коренныхъ элементовъ.

1812 г. указалъ намъ ошибки XVIII вѣка и послужилъ поводомъ къ первымъ шагамъ на пути возвращенія государства къ своимъ народнымъ основамъ. Будущимъ историкамъ русской дипломатіи предстоитъ трудная, хотя и въ высшей степени благодарная задача, именно выяснить, на сколько космополитическій періодъ русской дипломатіи, какъ плодъ непонятыхъ стремленій Петра Великаго, въ теченіе полутораста и даже болѣе лѣтъ, задержалъ развитіе могущества Россіи на основныхъ твердыхъ началахъ русской народности?

Рѣшеніе этой задачи связано съ будущею судьбою Россіи и ея міровымъ призваніемъ въ средѣ человѣчества“.

За тѣмъ слѣдуетъ рядъ весьма цѣнныхъ приложений отчасти историческаго, отчасти археологическаго характера и подробное объясненіе многочисленныхъ и чрезвычайно интересныхъ рисунковъ книги, собрать которые автору стоило большого труда, но которые, за то, и представляютъ крупную научную цѣнность.

Какъ ни далеки по задачамъ, объему и даже методу эти двѣ работы нашего покойнаго сочлена, между ними есть огромное сходство въ томъ, что изслѣдователь и тамъ и здѣсь находятъ совершенно новую область для научной работы, указываетъ путь и даетъ образецъ для будущихъ работниковъ. Далѣе, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ трудѣ пріятно поражаетъ точность, обстоятельность, чистота въ работѣ ¹⁾, скромность, безусловная порядочность, придающія ученому изслѣдованію такъ сказать *воспитательное* достоинство.

Le style c'est l'homme, говорятъ французы; это безусловно вѣрно, если подъ стилемъ понимать не только *словъ*, который часто зависитъ отъ школы, отъ образцовъ, но вообще способъ выраженія своихъ взглядовъ и мыслей.

Глубоко симпатичная, благородная въ самомъ широкомъ смыслѣ слова личность М. А. Веневитинова, всецѣло преданная идеямъ добра и правды, такъ полно отражается въ стилѣ его строгонаучныхъ трудовъ, что теперь, въ виду его свѣжей могилы, пересчитываніе ихъ сопряжено съ сильной душевной болью для того, кто имѣлъ случай близко знать автора. Только до нѣкоторой степени утѣшаетъ насъ знаніе, что жизнь его оставила широкій слѣдъ, что *часть ея большая ея переживаетъ* и пребудетъ навсегда образцомъ для слѣдующихъ поколѣній.

А. Кириичиновъ.

---

¹⁾ Какъ хороши во второй работѣ характеристики пособій, напримѣръ, словарь Морери на стр. 18—19.